

"Сов. Россия" 1976, 31 марта
№ 76

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Георгий Марков — один из тех писателей, кто прочно связал свою творческую судьбу с сибирской землей. Его роман «Сибирь» исследует совершенно новый пласт жизни этого края.

Схватка двух эпох в душах людей — вот основной стержень этого произведения. Здесь можно совершенно определенно говорить об углублении художественного видения по сравнению с прежними, получившими широкое читательское признание романами писателя — «Строгов», «Соль земли», «Отеп и сын». Это углубление — прежде всего в более отчетливом поиске, в более резком проникновении в народный характер, в усилении внутренней освещенности, глубин народной жизни. И хотя такое свойство таланта Маркова проявлялось и в прежних романах, в «Сибири» оно, это свойство, получило свое философское наполнение. Главной, определяющей, движущей силой произведения является народ; в романе неотступно ощущается дыхание этой громады, этого мощного, неостановимого потока, который в конце концов и определяет пути истории.

В орбиту жизни, событий, переплетений бытовых ситуаций и социальных конфликтов оказываются тесно втянутыми две семьи — революционера Горбякова и купца Епифана Криворукова, рвущегося к большому богатству.

Чувство пульсирующего течения жизни, глубинного тока крови идет через семью — самую чуткую ячейку общества, всегда несущую в себе особенности и приметы времени. Никифор Криворуков только что женился на дочери фельдшера Горбякова Поле, женщине совершенно иного нравственного мироощущения, чем все Криворуковы, — казалось бы, одной этой линии хватило бы на целый роман. Но Марков, художник эпического склада мышления, очень четко и строго ограничивает рамки этого конфликта, без всякого нажима и экзальтации разворачивает перед нами житейскую, будто бы простую на первый взгляд ситуацию. Но только на первый взгляд.

П Л А С Т Ж И З Н И

Поля внесла в этот сложившийся купеческий мирок совершенно иную нравственно-эмоциональную ноту, которая никак не вписывалась в привычный хор, звучала резким диссонансом. Чем дальше углубляется и развивается действие, тем настойчивее вспоминается начало романа, когда свадьба Поля и Никифора была превращена неожиданным обстоятельством: Поля, участвуя в облаве на беглого ссыльного Акимова, увидела его, и не выдала... В обыкновенной житейской ситуации Марков точно показывает взаимоотношения противоположных классовых сил.

Все в доме Криворуковых постепенно насыщается грозной атмосферой; приложения сил и желаний слишком односторонни и уродливы, чтобы не разразилась очистительная гроза и не засверкали молнии. Тревога от картины к картине растет. Вот сцена у скопцов, когда Епифан Криворуков пытается почти даром взять залежную на зимовку рыбу в яме. Скопцы по натуре своей еще более безжалостные хищники, чем Епифан Криворуков, и их внутренний мир в образ жизни, выписанные уверенной рукой мастера, поражают одной зловещей страстью — деньгами, деньгами и деньгами. Больше ничего — ни всплеска радости и восторга, ни горя и сомнения.

Власть денег беспредельна в мире наживы, жестокости и обмана. Она уже сама по себе — беспощадное зерно разложения, распада души человека. Мир, основанный на власти желтого дьявола, не может развиваться в направлении добра и совести, и потому он обречен, потому и копится, копится на всех горизонтах иная, революционная сила жизни, и в предвещии ее прихода то и

дело вспыхивают короткие, ожесточенные схватки не на жизнь, а на смерть...

В романе с его крупным, широким разворотом показано предчувствие надвигающейся революции. Это как предчувствие весны — земля еще покрыта снежным настом, еще молчат заколдованные в лед реки, еще дремлют семена, но уже невидимое томление разлито над снегами и безмолвной тайгой, уже как-то по-иному смотрится небо, не безмолвно белы, а чуть-чуть голубоваты снега... Стоят по-прежнему на дорогах и трактах жандармские заставы, война по-прежнему безудержно выкачивает из народа последние силы. Зимние пространства Сибири огромные, но человек не побоялся ни кордонов, ни стихий. Он бежит, бежит в тайгу, в это безлюдье, казалось бы, в неминуемую смерть... Однако десятки людей втягиваются в его орбиту — ссыльные, охотники, крестьяне, рыбаки, тунгусы; и в конце концов побег Акимова словно становится своеобразной романтической балладой, рефреном, который пронизывает всю ткань романа. А сам Акимов — живой легендой.

Он нужен, необходим народу, молва о нем ширится, его прячут, укрывают, кормят, заботятся о нем, подвергаются вместе с ним опасностям и лишениям. И это уже не побег одного отдельно взятого человека, а начало народного движения, тот еще невидимый под снегом ручеек, который вот-вот вырвется на поверхность буйным разливом. В романе целый ряд достоверно и ярко выписанных писателем образов, без которых ни Акимов, ни Кагя Ксенофонтова — профессиональные революционеры, любящие друг друга, — не смогли бы не толь-

ко продвигнуться в своем пути, но просто бы физически не выжили. Это те соки, которые питали подпольное движение. Здесь в таинный охотник Степан Лукьянов, и Горбяков, и Бронислав Насимович, осуществлявший партийные подпольные связи, и десятки других героев. Невидимые силовые токи революции густо пронизывают огромные пространства. Автором удачно найден сюжетный ход: движение Ивана Акимова чуть ли не через всю Сибирь к Петрограду, а затем в Стокгольм позволило вскрыть целые социальные пласты, живописать само состояние предреволюционной России через самых полярных людей, представляющих крайние политические течения, показать силы пробуждения, постепенно зреющие в народе.

Автор «Сибири» — писатель определенно выраженной художественной концепции. Особенность его художнического видения придает роману и всей творческой манере Маркова своеобразную направленность, диктует отбор жизненного материала, героев и их внутреннее наполнение. Марков — писатель добра, писатель, даже стремящийся в любом человеке докопаться до истоков человеческого, до начала добра под горами зла и порока, и эта художническая концепция делает в творчестве Маркова многое нам пронзительно близким, приближает к нам конфликты и боль прошлого.

Родина — это не только сегодняшний день, это еще и старые плиты с полуистершимися письменами, и могильные курганы предков, это не только наши борения и страсти, но и дела, и свершения далеких и близких наших потомков, подвиг землепроходцев, топором прорубивших путь к океану через громадные пространства Сибири, воздвигнувших города по берегам диких рек.

Роман Георгия Маркова об изменении социально-нравственного климата, о революционно-творческой работе партии и самый канун революции — еще одно доказательство исторической необходимости и правоты новых социальных горизонтов народа, его устремлений к высотам духа и счастья.

Петр ПРОСКУРИН.